

Фокин Владислав Яковлевич

Fokin Vladislav Yakovlevich

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и предпринимательства Чайковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета

PhD in Economics, Associate Professor, Economics, Management and Business Department, Tchaikovsky branch of Perm National Research Polytechnic University

ПОСТМОНОПРОФИЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДЛИКВИДАЦИОННАЯ СТАДИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕГРЕССА СЕЛЬСКОГО РАЙОНА

POST-SINGLE-INDUSTRY FEATURE AS A PRE-LIQUIDATING STAGE OF THE RURAL AREA'S SOCIAL REGRESS

Аннотация:

В статье на примере Еловского муниципального района Пермского края проанализированы масштабы деградации экономики и социальной сферы сельской территории. Исследован процесс перехода района в постмонопрофильную стадию трансформаций, являющуюся предликвидационным этапом социального регресса административно-территориального образования. Проведен анализ влияния утраты производственной составляющей на масштабы социального регресса сельского муниципального района, заключающегося в потере квалифицированных кадров, старении населения, снижении численности населения в результате миграционной и естественной убыли. Спрогнозировано формирование новой волны миграции населения района, обусловленное ухудшением условий жизнедеятельности местного населения: сжатием рынка труда бюджетных организаций, уменьшением доступности образования и здравоохранения, усилением транспортной изолированности сельского населения. Сделаны выводы о необходимости разработки новых подходов к управлению сельскими районами, характеризующимися околонулевыми показателями социально-экономического развития.

Ключевые слова:

сельское население, сельский муниципальный район, предликвидационная стадия, социальный регресс, постмонопрофильная территория, безработица, миграционная убыль, транспортная изолированность.

Summary:

The scale of the rural economic and social degradation is analyzed by a case study of the Elovsky municipal district of Perm Krai. The transition to the post-single-industry stage of transformation which is a pre-liquidating stage of the administrative territorial entity's social regress is investigated. The research analyzes the production loss impact on the scale of the rural municipal district's social regress consisting in the loss of skilled personnel, aging of the population, and depopulation as a result of migration and natural decline. A new wave of the population migration due to the deteriorating living conditions is predicted. The budget organizations' labor market contraction, the decreased education and health care availability, the increased transport isolation of the rural population are supposed to take place. The author concludes that it is necessary to develop new approaches to manage the rural areas characterized by near-zero rates of social and economic development.

Keywords:

rural population, rural municipal district, pre-liquidating stage, social regress, post-single-industry territory, unemployment, migration decline, transport isolation.

Проблемы управления административно-территориальными образованиями, деградировавшими до стадии упадка, находятся в фокусе внимания как зарубежных, так и российских ученых. Отдельным направлением исследований является изучение масштабов социального регресса территорий, находящихся в стадии упадка, вследствие падения до околонулевого состояния уровня экономики, предприятий, расположенных в их границах и относящихся к горнодобывающей, лесной, текстильной и ряду других отраслей, из-за истощения природных ресурсов или ряда других причин.

Приведем несколько примеров. Д. Лидбитер пишет, что в последней четверти прошлого века в результате закрытия горнодобывающих предприятий в «горных» городах Канады в провинции Онтарио широкое распространение получили массовые увольнения и бедность. Социальными последствиями ликвидации горнорудной отрасли явились безработица, снижение доходов, миграция и потеря местным населением жилья, которое было заколочено, снесено или вывезено [1].

В России однотипные экономические и социальные проблемы моногородов и поселков ликвидированного в 1990-х гг. Кизеловского угольного бассейна (КУБ) исследованы в работе А. Трейвиша, заострившего внимание на том, что к 2000 г. от бывшего уровня производства в КУБе остался всего 1 %. Население столкнулось с бедностью и безысходностью. На территории КУБа произошла качественная социальная метаморфоза, в результате которой «шахтерский район с его гонором и почетом опустился до состояния мутного омута, в котором тот, кто был всем, стал ничем» [2, с. 273]. За 10 лет, прошедших с момента ликвидации угледобывающей отрасли, на территории КУБа произошел значительный миграционный отток населения, уменьшилось коли-

чество социальных объектов, в 2–3 раза снизились показатели коммерческих перевозок и пассажирооборота, опустившись в Кизеловском и Гремячинском муниципальных районах, входивших в состав КУБа, до нулевых значений [3].

Автор статьи заостряет внимание на том, что как российские, так и зарубежные исследователи анализируют социальные проблемы населения в административно-территориальных образованиях – городских поселениях, находящихся на стадии упадка. Вместе с тем работы, посвященные сельским монопрофильным поселениям и сельским районам, деградировавшим до околонулевого уровня экономического и социального развития, в научной литературе практически не встречаются. Таким образом, актуальность статьи обусловлена отсутствием исследований динамики социального регресса сельских административно-территориальных образований до околонулевого уровня экономической активности и социальных процессов, характерных для постмонопрофильной стадии деградации таких территорий.

Масштабный экономический и социальный регресс сельских административно-территориальных образований первого (сельские поселения) и второго (сельские муниципальные районы) порядка в Российской Федерации является следствием ликвидации значительного числа производителей сельскохозяйственной продукции, игравших для этих территорий селообразующую (районообразующую) роль. Согласно результатам Всероссийской сельскохозяйственной переписи (ВСП) 2016 г. [4], за межпереписной период с 2006 по 2016 г. в Российской Федерации произошло масштабное снижение количества производителей сельскохозяйственной продукции всех категорий. За 10 анализируемых лет количество сельскохозяйственных организаций сократилось на 38,5 %, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей – на 38,8 %, а личных подсобных и других индивидуальных хозяйств граждан – на 46,0 %.

Сокращение количества производителей сельскохозяйственной продукции произошло в основном в 41 регионе страны, характеризующемся неблагоприятными природно-климатическими условиями [5, с. 45]. Эти регионы расположены, как правило, севернее 55 °С северной широты в Сибири, на Дальнем Востоке, на Урале и в северо-западной части европейской территории страны. Сельские муниципальные районы, утратившие производственно-экономическую составляющую, выявлены и в Пермском крае, расположенном в восточной части Восточно-Европейской равнины и на западных склонах Среднего и Северного Урала.

Одним из таких территориальных образований является Еловский муниципальный район Пермского края. Район расположен в юго-западной части Пермского края, занимает площадь 1 448 кв. км. Районный центр – село Елово – находится в 203 км (3–4 часах) езды от города Перми, что говорит о периферийном местоположении района по отношению к региональному центру. К началу рыночных преобразований 53,9 % населения района, включая районный центр, проживали в хозяйствах колхозников, т. е. лиц, занятых в сельском хозяйстве (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение населения и работников колхозов в структуре населения сельских советов и сельскохозяйственных организаций Еловского района на старте рыночных реформ

Сельский совет	Население, чел. [6]			Сельскохозяйственная организация	Среднесписочная численность работников 1989 г., чел.	Год ликвидации
	Всего	Проживает в хозяйствах колхозников	Доля в общем количестве, %			
Брюховский	1 287	1 148	89,2	Колхоз имени Фурманова	122	1999
				Колхоз «Память Злыгостева»	296	2006
Нижнебардинский	441	408	92,5	Колхоз «Заветы Ленина»	148	2001
Осиновский	571	511	89,5	Колхоз «Рассвет»	215	2003
Калиновский	483	443	91,3	Колхоз «Труженик»	168	2004
Куштомаковский	1 056	694	79,5	Колхоз имени Кирова	357	2004
Плишкаринский	818	767	94,9	Колхоз «За мир»	318	2004
Малоусинский	942	880	93,4	Колхоз «Россия»	349	2006
Еловский	6 111	694	11,4	Колхоз «Новый путь»	366	2008
Крюковский	695	599	86,2	Колхоз имени Калинина	252	2008
Дубровский	1 507	1 355	89,9	Колхоз имени Тельмана	512	2014
Всего	13 911	7 499	53,9	Всего	3 103	

Примечание. Информация собрана, сгруппирована и рассчитана автором самостоятельно на основе данных, содержащихся в годовых отчетах колхозов Еловского района за 1989 г. и в справочнике «Пермская область. Административно-территориальное деление» (1993).

Из данных, сгруппированных в таблице 1, видно, что на старте рыночных реформ хозяйственная деятельность в районе велась на территории 10 сельских советов в 11 колхозах, имевших общие с этими административными образованиями границы. Удельная доля колхозников и членов их семей по отношению к общей численности населения, проживавшего на территориях сельских советов района, зафиксирована в интервале от 79,5 % в Куштомаковском до 94,9 % в Плишкаринском сельском совете, что убедительно доказывает сельскую монопрофильную специализацию района.

По данным годовых отчетов колхозов за 1989 г., изученных автором, среднесписочная численность работников 11 сельскохозяйственных предприятий, включая колхозников и сезонных работников, составляла 3 103 человека. За годы рыночных трансформаций все эти сельскохозяйственные организации значительно снизили масштабы ведения сельского хозяйства, потерпели банкротство и начиная с 1999 г. были подвергнуты процедурам ликвидации или реорганизации. Ликвидация сельского хозяйства как отрасли привела к тому, что в 2016 г. в четырех сохранившихся сельскохозяйственных малых предприятиях и микроорганизациях Еловского района суммарно было задействовано всего 99 работников, а трудовые ресурсы 24 крестьянских (фермерских) хозяйств составляли 79 человек. Таким образом, результатом рыночных трансформаций стало сокращение работников сельскохозяйственных предприятий с 3 103 до 178 человек – на 2 925 человек, или 92,6 %, за период с 1989 по 2016 г.

Полная утрата кадрового потенциала, готового к профессионально-трудовой деятельности, произошла не только в сфере производства сельскохозяйственной продукции, но и в агросервисной и перерабатывающей сферах (таблица 2).

Таблица 2 – Перечень агросервисных и перерабатывающих организаций, прекративших функционирование в селе Елово

Название предприятия	Среднесписочная численность работников в 1989 г., чел.	Год прекращения деятельности
Ремонтно-техническое предприятие (РТП)	185	1998
Хлебоприемный пункт	35	2002
Агропромхимия	104	2005
Межхозяйственное строительное объединение	176	2005
Маслосыркомбинат	129	2012
Всего	629	

Примечание. Информация собрана, сгруппирована и рассчитана автором самостоятельно на основе данных, предоставленных Архивным отделом администрации Еловского муниципального района.

Из таблицы 2 видно, что на старте рыночных реформ в агросервисных и перерабатывающих предприятиях района было задействовано 629 работников. В результате закрытия этих предприятий все задействованные в трудовой деятельности сотрудники постепенно потеряли работу и остались без средств к существованию. Значительная часть из них впоследствии пополнила ряды вынужденных переселенцев, перебравшихся в другую местность. Исходя из вышеизложенного, на сегодняшний день на территории района практически полностью утрачен кадровый потенциал. Производственный потенциал ликвидированных сельскохозяйственных предприятий так же практически полностью разрушен, а земельные угодья сельскохозяйственного назначения зарастают лесом. Таким образом, Еловский муниципальный район может быть идентифицирован как сельская «постмонопрофильная территория, находящаяся в предликвидационном состоянии». Этот термин необходимо ввести в научный оборот для характеристики всех административно-территориальных образований с уровнем экономик, равным околонулевым значениям, и которым в недалекой перспективе угрожает полное обезлюдение.

Процессы ликвидации селообразующих (районообразующих) предприятий и переход Еловского района в постмонопрофильное – предликвидационное состояние сопровождалось рядом негативных социальных последствий. Потерявшие работу квалифицированные руководители, специалисты сельского хозяйства, служащие, механизаторы и другие категории работников ликвидированных сельскохозяйственных, перерабатывающих и агросервисных предприятий и члены их семей были вынуждены мигрировать в другую местность или искать возможность устроиться вахтовым методом. Миграция и естественная убыль привели к снижению численности населения района с 14 127 до 9 311 человек за период с 1989 по 2017 г. Население района сократилось на 4 816 человек, или 34,1 %.

Массовая миграционная убыль населения трудоспособного возраста привела к изменению возрастной структуры населения в сторону его старения. По данным Пермьстата, в конце 2016 г. в Еловском районе насчитывалось 400 лиц пенсионного возраста, приходящихся на 1000 человек

населения, а коэффициент численности работающего населения, приходящегося на одного пенсионера, снизился до 0,38. В районе обостряется проблема естественной убыли населения, обусловленная превышением показателей смертности (195 чел. в 2016 г.) над показателями рождаемости (145 чел. в 2016 г.) [7].

В настоящее время наблюдается формирование следующей волны миграции населения, обусловленной ухудшением условий жизнедеятельности местного населения. В районе происходит сжатие рынка труда бюджетных организаций, уменьшается доступность образования и здравоохранения, усиливается транспортная изолированность сельского населения. Сокращение работников администраций сельских поселений стало следствием объединения сельских поселений. В настоящее время на территории района вместо 10 сельских советов функционируют администрации пяти сельских поселений. Наблюдается отрицательная динамика количества учащихся в школах. Оптимизация системы образовательных учреждений привела к закрытию отдельных учреждений образования и снижению статуса части из них. К началу рыночных реформ в каждом населенном пункте, являвшемся административным центром сельского совета и центральной усадьбой функционирующего в границах его территории сельскохозяйственного предприятия, функционировала средняя или общеобразовательная школа – всего 11 школ. В результате ликвидации сельскохозяйственных предприятий, миграционной убыли населения и значительного снижения контингента обучающихся в 2009 и 2010 гг. была проведена реорганизация средних школ в селах Брюхово и Плишкари, трансформировавшихся в общеобразовательные школы. Общеобразовательная школа в селе Нижняя Барда, в которой в 2010 г. насчитывалось всего 24 учащихся, вообще была закрыта. Существует угроза закрытия еще 3 школ из 10 оставшихся. В условиях, когда сельская школа является единственным работодателем в населенном пункте, все села, оставшиеся без образовательных учреждений, в ближайшем будущем рискуют лишиться значительной части трудоспособного населения – педагогических работников, административно-управленческого, технического и учебно-вспомогательного персонала. Аналогичная ситуация социального регресса наблюдается в сфере здравоохранения и культуры.

Усиление транспортной изолированности населения проявляется в том, что в селе Елово закрыли автовокзал, а пассажирские перевозки населения, связывающие 38 населенных пунктов района с его административным центром, осуществляются всего по пяти маршрутам, по два рейса в неделю по каждому маршруту.

Автор заостряет внимание на том, что к настоящему времени еще в ряде сельских муниципальных районов Пермского края практически полностью утрачена производственная составляющая, а социальная сфера стремительно деградирует. Поэтому закономерным является вывод о том, что проблема постмонопрофильного – предликвидационного состояния сельских районов из локальной превращается в региональную. С учетом того, что половина регионов РФ является малопригодной для ведения сельского хозяйства, проблема приобретает национальные масштабы, поэтому должна решаться на уровне государства. Существующие сегодня программы так называемого устойчивого социально-экономического развития сельских постмонопрофильных территорий, утративших экономическую составляющую и находящихся в стадии социального регресса, звучат абсолютным диссонансом на фоне характерных для них тенденций к обезлюдению. Социальное управление сельскими территориями, подобными Еловскому муниципальному району Пермского края, требует разработки новых подходов в управлении, опирающихся на признание наличия постмонопрофильных территорий, достигших предликвидационной стадии социального регресса, подверженных риску потери локальных территориальных сообществ в масштабах отдельных сельских поселений и сельских районов.

Ссылки:

1. Leadbeater D. Mining Towns and the New Hinterland Crisis // Canadian Dimension. 2004. Vol. 38, no. 5. P. 41–44.
2. Трейвиш А.И. Парадоксы депрессивных территорий России на примере Кизела и Ивановской области // Местное самоуправление в современной России. М. ; Владимир, 2007. 440 с.
3. Тургель И.Д., Курицева Ю.Е. Территории Кизеловского угольного бассейна: десять лет после реструктуризации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 28 (85). С. 27–34.
4. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по муниципальным образованиям Пермского края / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Т. 2. Пермь, 2017. 305 с.
5. Милосердов В.В. Проблемы импортозамещения в системе продовольственной безопасности России // Известия Международной академии аграрного образования. 2016. № 29. С. 41–47.
6. Пермская область. Административно-территориальное деление. Кудымкар, 1993. С. 66–67.
7. Статистический ежегодник Пермского края – 2016 : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). Пермь, 2017. 380 с.

References:

- Leadbeater, D 2004, 'Mining Towns and the New Hinterland Crisis', *Canadian Dimension*, Vol. 38, no. 5, pp. 41–44.
- Miloserdov, VV 2016, 'Problems of import substitution in the system of food security in Russia', *Izvestiya Mezhdunarodnoy akademii agrarnogo obrazovaniya*, No. 29, pp. 41-47.
- Perm region. Administrative territorial division* 1993, Kudymkar, pp. 66-67, (in Russian).
- Preliminary results of the All-Russian Agricultural Census of 2016 for municipal entities of Perm Krai* 2017, Territorial authority of the Federal State Statistics Service for Perm Krai (Permstat), vol. 2. Perm, 305 p., (in Russian).
- Statistical Yearbook of Perm Krai for 2016: a statistical compilation 2017*, Territorial authority of the Federal State Statistics Service for Perm Krai (Permstat), Perm, 380 p., (in Russian).
- Treyvish, AI 2007, 'Paradoxes of depressive territories of Russia by a case study of Kizel and Ivanovo region', *Mestnoye samoupravleniye v sovremennoy Rossii*, Moscow, Vladimir, 440 p., (in Russian).
- Turgel, ID & Kuritseva, YuE 2010, The territories of Kizelovsky coal basin: a decade after the restructuring', *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'*, No. 28 (85), pp. 27-34, (in Russian).